

УДК 911.372.9

И.П. Смирнов¹, А.А. Смирнова², А.А. Ткаченко³

ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ССЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ДЕРЕВЕНЬ В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Впервые в географической литературе сделана попытка рассмотреть результаты проводившейся в 1960–1970-х гг. политики реконструкции сельского расселения, включавшей разделение сельских населенных пунктов (СНП) на перспективные и неперспективные, а также сселение жителей малых деревень в крупные поселки. В статье приведены данные о планах и результатах переселения жителей из неперспективных деревень на центральные усадьбы колхозов и совхозов Калининской (ныне – Тверской) области. Анализируется официальный список перспективных СНП, утвержденный в 1977 г. Рассмотрена структура этого массива, распределение перспективных пунктов по территории области, динамика людности каждого СНП с 1976 по 2010 гг. Показана нелогичность выделения перспективных СНП: к их числу было отнесено большое количество малых пунктов, тогда как многие крупные СНП в рассматриваемый список не попали. Большинство крупных перспективных СНП сосредоточено в центральной наиболее освоенной части области – «тверском треугольнике» (Ржев – Вышний Волочек – Кимры). Анализ динамики людности перспективных СНП позволил выделить несколько вариантов изменения численности населения с 1976 по 2010 годы: от значительного роста до утраты постоянного населения. В целом преобладала негативная динамика – более половины СНП сократили свою численность населения. До тех пор, пока существовали крупные коллективные хозяйства, большинство перспективных СНП успешно развивались и постепенно наращивали людность. В настоящее время на них приходится значительная часть опорных центров развития сельской местности. Но и большая часть населенных пунктов, некогда отнесенных к категории неперспективных, продолжает существовать.

Сделан вывод о провале политики сселения и преобразования сельского расселения. Показано, что в российском обществе и в научной среде распространено не адекватное действительности понимание результатов этой политики. Статья призвана служить напоминанием о бесполезности волевых решений, нацеленных на радикальные изменения в расселении.

Ключевые слова: перспективные и неперспективные сельские населенные пункты, ликвидация малых деревень, реформа расселения

Введение: контуры проблемы. Вопрос, что делать со множеством малых российских деревень, обсуждался в СССР еще в начале 1950-х гг. [Алексеев, 1988], а может быть, и раньше. В современном российском обществе эта проблема, как правило, ассоциируется с делением сельских населенных пунктов (СНП) на перспективные и неперспективные, получившим распространение с начала 1960-х и достигшим апогея известности к концу 1970-х гг.⁴ В это время проводилась политика, нацеленная на интенсивное развитие перспективных СНП, главным образом – в результате сселения жителей из других населенных пунктов. Планировалось примерно за 20–25 лет полностью избавиться от этих деревень, создав фактически *новое расселение*, представленное крупными благоустроенными поселками. С.А. Ковалев писал по этому поводу: «в литературе (главным образом архитектурно-планировочной) сельские формы расселения рассматривались как нечто исчезающее ...,

некоторые даже намечали всего один (!) населенный пункт на район» [Ковалев, 1984, с. 119]. Деление СНП на перспективные и неперспективные В.В. Владимиров и Н.И. Наймарк отнесли к числу частных парадигм советской теории расселения [Владимиров, Наймарк, 2002].

Об ошибочности этого деления и связанной с ним политикой сселения жителей малых деревень писалось (и в научной литературе, и в публицистике, и в прессе) множество раз как в период реализации этой политики, так и позднее [Беленький, 1977; Стронгина, 1984; Хорев, 1988; Денисова, 1996 и др.]. Неоднократно отмечалась и необоснованность отнесения многих СНП к числу неперспективных. В то же время нам неизвестны работы, в которых анализировались бы массивы перспективных и неперспективных СНП отдельных регионов, их частей или групп и делалась бы попытка проследить судьбы населенных пунктов, отнесенных к этим категориям.

¹ Тверской государственный университет, факультет географии и геоэкологии, кафедра социально-экономической географии и территориального планирования, канд. геогр. н., доцент; *e-mail:* ilya.geo2012@yandex.ru

² Тверской государственный университет, факультет географии и геоэкологии, кафедра социально-экономической географии и территориального планирования, канд. геогр. н., ст. преподаватель; *e-mail:* alpresents@mail.ru

³ Тверской государственный университет, факультет географии и геоэкологии, кафедра социально-экономической географии и территориального планирования, докт. геогр. н., профессор; *e-mail:* at.tver@mail.ru

⁴ Словосочетания «перспективные СНП» и «неперспективные СНП» употребляются нами не в качестве оценочных категорий, а только как свидетельство принадлежности населенных пунктов к одному из двух официально выделенных классов СНП.

XX век – время планов по активному преобразованию сельского расселения не только в СССР, но и в западных странах, что объяснялось быстрыми темпами урбанизации и отставанием сельских территорий от городов по уровню жизни. Например, в Великобритании основной современной политики планирования развития сельских территорий называют изданный Парламентом в 1947 г. соответствующий акт [Hanrahan, Cloke, 1984]. Одной из идей того времени была концепция «ключевых поселений», которая подразумевала выбор определенных деревень, где государственные и частные вложения создавали бы предпосылки для концентрации населения, активного жилищного строительства, роста занятости и сферы услуг [Daniels, Lapping, 1987].

К 1980-м годам сформировался большой пласт работ, посвященных осмыслению результатов проводимой политики в отношении села в разных странах и регионах – от Западной Европы до США и Новой Зеландии [Pallot, 1979; Cloke, 1983; Phillips, Williams, 1983; Policies ..., 1988]. Современные исследования возможных и уже реализуемых преобразований сельской местности концентрируются, главным образом, в Китае, где сельские территории в настоящее время стремительно пустеют и меняют свои функции, чем обращают на себя пристальное внимание ученых [Tian et al., 2014].

Не только в общественном сознании, но и в научном сообществе, прежде всего среди историков, широко распространено мнение о разрушительном влиянии на сельское расселение России разделения СНП на перспективные и неперспективные и сселения жителей малых деревень. В многочисленных публикациях утверждается, что эта политика привела к ликвидации многих тысяч СНП. По сложившейся среди части исследователей традиции, речь идет о политике ликвидации неперспективных деревень [Мазур, 2005; Никитаева, 2012; Шевельков, 2007]. Эти утверждения далеки от реальности. Сошлемся на результаты работы о сселении жителей неперспективных деревень в Вологодской области [Алексеев и др., 1980]. Во всей огромной по площади (145 тыс. км²) области, в которой насчитывалось более полумиллиона сельских жителей и действовало порядка 400 колхозов и совхозов, авторам удалось отыскать всего 4 хозяйства, активно проводивших сселение. По данным М.Л. Стронгиной, за пе-

риод с 1970 по 1979 гг. в шести областях Нечерноземья прирост населения в центральных усадьбах колхозов и совхозов был более чем в 10 раз меньше, чем снижение численности сельского населения по области в целом. По ее словам, сселение оказалось «неэффективным средством регулирования расселения и миграции» [Стронгина, 1984, с. 149].

Из примерно 143 тыс. СНП, учтенных переписью 1970 г. в Нечерноземной зоне, к перспективным были отнесены только 29 тыс. [О мерах ..., 1975]. Остальные подлежали сселению. Однако, даже в 2010 г. в регионах Нечерноземья продолжали существовать около 84 тыс. СНП с постоянным населением [Всероссийская ..., 2010]. Несмотря на значительное уменьшение общего числа СНП, проблема малых населенных пунктов в наши дни по-прежнему актуальна. Острота ее, конечно, несколько меньше, чем 50–60 лет назад⁵. А если проблема остается, то, вероятно, должен быть и запрос на ее решение. В последние годы государственная повестка дня в сфере расселения ограничивается вопросом об агломерациях. Двадцать их или восемь – не так уж важно. Важно, что рано или поздно вопрос, что делать с малой деревней, появится снова. Данная работа – своеобразная превентивная мера, цель которой – подробно (на примере Тверской области) рассмотреть итоги предыдущей политики, чтобы напомнить о неудачном вмешательстве государства в систему сельского расселения.

По свидетельству Б.С. Хорева [1988], впервые деление СНП на перспективные и неперспективные появилось в 1960 г. в разработанных НИИсельстроем Министерства сельского хозяйства РСФСР Правилах застройки сельских населенных пунктов. Это деление было сразу же подхвачено Госгражданстроем СССР (Государственный комитет по архитектуре и гражданскому строительству) и стало обязательным для всех схем и проектов районной планировки [Методика ..., 1966].

В 1970-х гг. даже составлялись специальные планы сселения. Насколько успешной была эта политика, можно судить по данным таблицы 1. Но, несмотря на невыполнение планов сселения, процесс сокращения числа СНП шел даже быстрее, чем было запланировано. Очень часто исчезали совсем не те пункты, которые были запланированы к сселению. В Тверской (Калининской) области к началу 1985 г. оказалось на 500 с лишним СНП меньше, чем

Таблица 1

**Сселение жителей из неперспективных деревень на центральные усадьбы колхозов и совхозов
Калининской области (количество дворов)**

Результаты сселения	1972	1975	1976	1977	1978	1979	1980
Запланировано	463	1446	1421	1553	1987	2146	2300
Фактически	266	669	1126	1093	1276	883	436
Выполнение плана, %	57	46	79	70	64	41	19

Составлено по материалам Калининского Облисполкома начала 1980-х гг.

⁵ В 1970 г. в 102 тыс. малых СНП Нечерноземья проживало 3,7 млн чел., в 2010 г. – в 65 тыс. таких же СНП – 1,3 млн чел. [Всероссийская ..., 2010].

было предусмотрено схемой районной планировки [Ткаченко, 1999]. После 1980 г. подобные планы уже не составлялись.

Большинство проектов и схем районной планировки не сохранилось. Многочисленные реорганизации органов управления, приватизация и банкротства проектных организаций повели к утрате этих документов. В нашем распоряжении имеются экземпляры «Основных положений» схемы районной планировки Калининской области, разработанной Ленгипрогором (утверждена решением Облисполкома в июне 1978 г.), и список перспективных населенных пунктов Калининской области, утвержденный в марте 1977 г. Расчетный срок схемы – 2000 г.

Схемой предусматривалась концентрация сельского населения в ограниченном числе благоустроенных поселков с нормальным уровнем культурно-бытового и коммунального обслуживания. Благодаря сселению, средняя людность СНП в области должна была вырасти до 400 чел. Пользуясь современной научной терминологией, можно сказать, что на перспективные СНП возлагалась очень важная миссия: они должны были стать опорными центрами развития окружающей их территории [Смирнов, 2019].

Материалы и методы исследований. Основным анализируемым нами документом является список перспективных СНП 1977 г. В работе использованы также данные Всесоюзных (1979 и 1989 гг.) и Всероссийских (2002 и 2010 гг.) переписей населения по Тверской (Калининской) области и фондовые материалы кафедры социально-экономической географии и территориального планирования ТвГУ. Поскольку работа в основном опирается на данные официальной статистики, в ней не затрагивается проблема «мертвых душ», или «бумажной» (ложной) миграции [Богданова, Щукина, 2013, с. 398], а также вопрос о сезонных различиях в реальной численности населения.

По данным списка 1977 г. и переписей населения 1979, 1989, 2002 и 2010 гг. в разрезе административных (муниципальных) районов была сформирована база данных о перспективных СНП Тверской (Калининской) области, содержащая сведения о типе, статусе и динамике людности всех отнесенных к данной категории СНП. Картографирование полученных результатов дало возможность наглядно продемонстрировать территориальные различия в распределении и составе таких СНП. Большую пользу принесли полевые наблюдения в некоторых из этих пунктов, позволившие оценить результаты строительства общественных зданий и жилых домов в период проведения политики сселения.

Число перспективных СНП, перечисленных в списке 1977 г., составляет 1069 (953 сельскохозяйственных и 116 несельскохозяйственных). Для дальнейшего анализа из этого числа были исключены 3 райцентра (Лесное, Молоково, Рамешки). Статус райцентра подразумевает обладание многими несельскими функциями и обеспечивает населенному пункту особые условия развития. Среди других СНП села-райцентры всегда выглядят как нечто иномод-

ное и искажают общую картину. В 1979 г. Рамешки, а в 1988 г. – Молоково стали поселками городского типа. Не рассматривается в числе перспективных и по непонятным причинам попавший в этот список поселок железнодорожной станции Старая Торопа, уже с 1974 г. имеющий статус пгт. В связи с этим общее число рассматриваемых перспективных СНП сократилось до 1065, а несельскохозяйственных – до 112. В дальнейшем из этого перечня были исключены 11 пунктов, присоединенных к другим, и 5 пунктов, которые не удалось идентифицировать в более поздних списках. При анализе динамики людности эти пункты не учитывались. Сказанное не относится к пунктам, утратившим постоянное население (8 исключены из официальных списков, а 11 значатся в них как пункты без населения). Таким образом, полный исходный массив перспективных пунктов состоит из 1065 СНП, а массив, по которому анализируется динамика людности – из 1049 пунктов.

Результаты и их обсуждение. *Состав анализируемого массива СНП.* Мы не располагаем общими списками СНП области 1976 или 1977 гг. и поэтому не можем определить количество неперспективных пунктов, существовавших на момент утверждения списка перспективных СНП. В связи с этим мы используем список, составленный по данным переписи населения 1979 г. Понятно, что за два года в сети СНП области произошли определенные изменения, но они не могли носить кардинальный характер. Общее количество СНП в области, по данным переписи 1979 г., составило 10889. Полагая, что в 1979 г. существовали все перспективные пункты из списка 1977 г., можно определить их долю в общем количестве СНП области (она составила 9,8%) и количество неперспективных пунктов на начало 1979 г. (9820).

Очевидно, что к числу перспективных в основном относились наиболее крупные в своих хозяйствах пункты. В общем количестве СНП области перспективные составляли около 1/10, но проживало в них около 40% сельского населения области. Их средняя людность, по данным 1976 г., составляла 200 человек при средней по области 51. На сельскохозяйственные СНП приходилось почти 90% от общего числа перспективных пунктов. При этом к ним было отнесено примерно 9% от общего числа сельскохозяйственных и 16% от всех несельскохозяйственных СНП в области. Несельскохозяйственные пункты были значительно крупнее сельскохозяйственных: их средняя людность – 446 против 171, медианные значения – соответственно 285 и 121.

Отнесение СНП к числу перспективных оставляет много вопросов. С одной стороны, в их число были включены более 100 пунктов людностью до 50 чел., с другой – неперспективными были признаны 75 СНП людностью более 200 чел., в том числе 18 пунктов, насчитывавших более 500 жителей и даже 10 пунктов, имевших людность более 1 тыс. чел. Структура массива перспективных СНП по людности в 1976, 1989 и 2010 гг. показана в таблице 2. Для большей наглядности использованы укрупненные группы.

Таблица 2

Перспективные СНП Тверской области в 1976, 1989 и 2010 гг.

Годы	Всего перспективных СНП*	Их распределение по группам людности				Средняя людность, чел.	Медиана, чел.	Доля в общем числе СНП, %
		1–100	101–200	201–500	Более 500			
1976	1065	398	389	194	84	196	119	9,8
1989	1042	304	310	315	113	257	166	11,6
2010	1030	438	268	234	90	207	119	14,1

* Показаны СНП с постоянным населением.

География перспективных СНП. Размещение крупных перспективных пунктов отражает одну из главных особенностей картины сельского расселения Тверской области – приуроченность к главным транспортным артериям [Кузнецова, 2011]. Скопления крупных СНП наблюдаются, в основном, вдоль полимагистралей Москва – Санкт-Петербург и Москва – Рига (рис. 1). Другая характерная черта – концентрация сельского населения в пригородах – проявляется и в размещении перспективных населенных пунктов. Большинство крупных перспективных СНП расположены в самой освоенной и населенной части области – в «тверском треугольнике», образованном воображаемыми линиями, соединяющими Ржев, Вышний Волочек и Кимры.

В среднем в области на один административный район приходилось около 8 перспективных пунктов с людностью более 200 чел., а всего – по 30. Но поскольку значительная часть крупных и крупнейших пунктов была сосредоточена в больших по площади и многолюдных районах (30 в Калининском, 21 в Торжокском, 20 в Вышневолоцком и т. д.), то в большинстве других таких пунктов было совсем мало или не было вообще. Например, в Лесном и Селижаровском – по три, в Бельском, Жарковском, Пенновском – по два, в Кесовогорском – ни одного.

Наименьшие медианные значения людности перспективных СНП были характерны для периферийных районов области – Андреапольского (74), Пенновского (72) и др. Наибольшие, наоборот, для

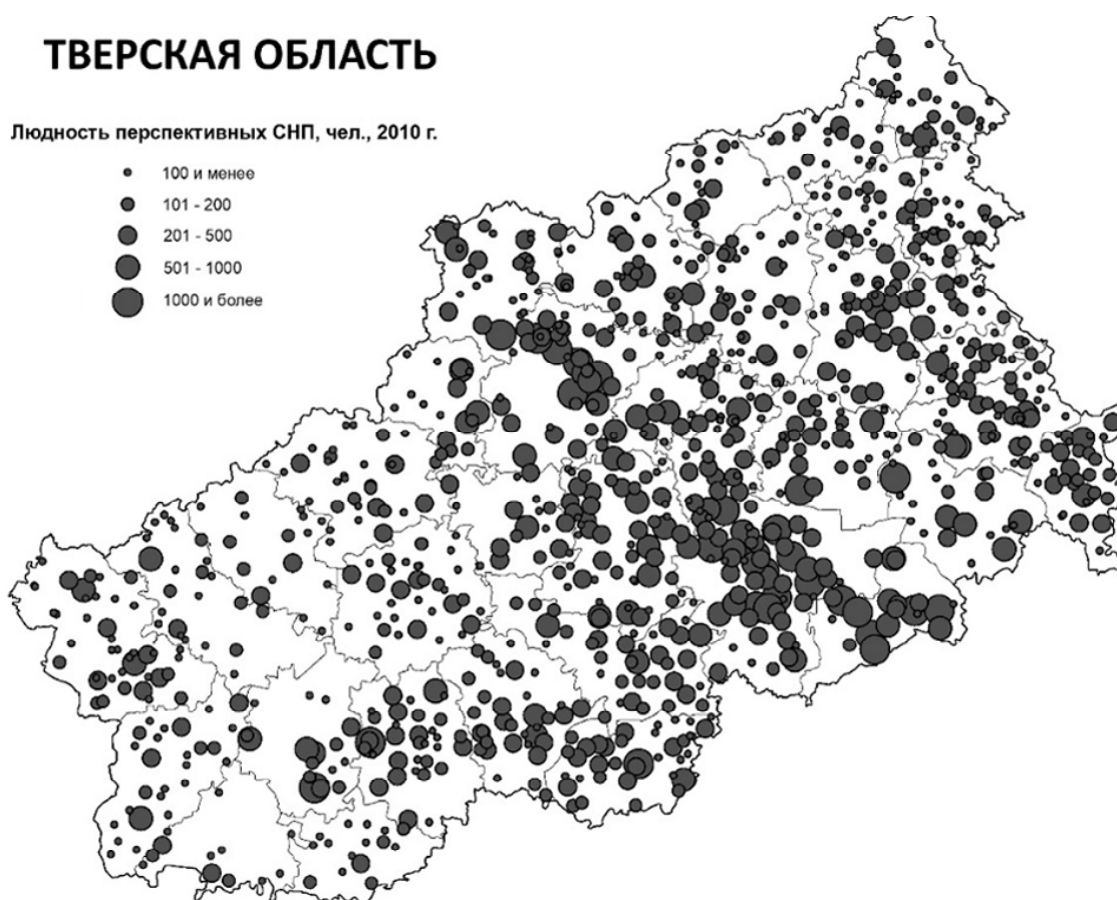

Рис. 1. Людность перспективных сельских населенных пунктов по данным 2010 г.

Fig. 1. Population of viable settlements, according to 2010 data

центральных – Калининского (233) и Конаковского (278). Четырехкратное различие в очередной раз подтверждает невозможность существования единых норм даже в пределах одного региона, не говоря уже об общероссийских.

СНП и сельхозпредприятия. Весьма интересен вопрос о распределении перспективных СНП по сельскохозяйственным предприятиям, или хозяйствам (колхозам, совхозам и др.). По этому распределению можно судить о том, как представляли себе разработчики схемы районной планировки и авторы списка будущее сельское расселение.

В целом по области 722 перспективных сельскохозяйственных СНП были центральными усадьбами, а 231 – другими, рядовыми, населенными пунктами в составе колхозов, совхозов и иных сельхозпредприятий. Согласно списку, более половины хозяйств области в перспективе должны были иметь по одному населенному пункту. В большинстве районов (в 25 из 36) такие хозяйства преобладали. В Ржевском районе во всех 31 хозяйстве было предусмотрено по одному перспективному пункту. В Старицком районе на 36 хозяйств приходилось 37 перспективных сельскохозяйственных пунктов, в Калязинском на 23 хозяйства – 25 пунктов. Противоположную картину можно было наблюдать в Осташковском районе, где лишь в одном из 11 хозяйств планировалось оставить один СНП. В Фировском районе таких хозяйств совсем не было. В большинстве колхозов и совхозов, где было предусмотрено существование более одного перспективного СНП, планировалось оставить по два таких пункта, в некоторых – по три. На общем фоне выделялся структурой проектировавшейся системы расселения Бологовский район, в котором во всех хозяйствах, кроме одного, было выделено по несколько перспективных пунктов, причем в одном – даже четыре. Описанные различия не связаны с объективными особенностями сельского расселения, что наводит на мысль о действии субъективного фактора – позиции работников районных администраций, занимавшихся составлением списков перспективных СНП.

Динамика людности. За период 1979–2010 гг. общее количество СНП с постоянным населением уменьшилось в области с 10,9 до 7,3 тыс., или ровно на 1/3. Массив же перспективных уменьшился всего на 35 единиц, что составляет немногим более 3% от их исходного количества. В связи с этим доля пунктов из этого списка в общем числе СНП области увеличилась почти в полтора раза.

На момент утверждения анализируемого списка лишь около 280 перспективных СНП (26% от их общего числа) имели людность более 200 чел. По меркам области, это – крупные и крупнейшие (более 500 чел.) СНП, которые реально могли реализовать свою миссию опорных центров развития территории. Остальные перспективные СНП примерно поровну распределялись между малыми (до 100 чел.) и средними (101–200) пунктами. И, если средние еще в какой-то степени имели пер-

спективы развития, то для малых возможность превращения в опорные центры была сопряжена с колоссальными усилиями и затратами, в большинстве случаев совершенно нереальными. К 1989 г. число перспективных пунктов с людностью более 200 чел. выросло более чем в полтора раза. Доля крупных и крупнейших среди них за это время увеличилась с 26 до 41%. Но к 2010 г. и число, и доля таких пунктов заметно сократились.

Заслуживают внимания и неперспективные населенные пункты. В 1979 г. на них приходилось 90% всей сети СНП области. Около 470 из этих населенных пунктов (неполные 5% от общего числа неперспективных) имели людность более 100 чел., а 75 из них – более 200. В последующие годы количество неперспективных пунктов вследствие миграции и естественной убыли населения неуклонно сокращалось (9,8 тыс. в 1979; 7,9 тыс. в 1989; 6,3 в 2010 гг.). К 1989 г. число таких пунктов с людностью более 100 чел. снизилось до 245, но даже в 2010 г. среди пунктов, когда-то признанных неперспективными, было 147 СНП с людностью более 100 чел., включая 53 пункта, насчитывавших более 200 жителей. Представляется, что эти СНП в действительности оказались весьма перспективными и, видимо, можно считать ошибочным то, что они в свое время не были включены в соответствующий список.

При рассмотрении динамики людности перспективных СНП за период с 1976 по 2010 гг. были выделены следующие 6 вариантов изменений:

- значительный рост – увеличение людности более чем в два раза,
- рост – увеличение людности от 10% до двух раз,
- без существенных изменений – изменения в пределах 10% или отсутствие изменений,
- убыль – уменьшение людности от 10% до двух раз,
- значительная убыль – уменьшение более чем в два раза,
- утрата постоянного населения – переход в категорию населенных пунктов без населения или исключение из официальных списков населенных пунктов. Эти два варианта здесь не разделены, поскольку, как показано в более ранних работах, например, [Румянцев и др., 2019], решение об исключении из списков в прошлом полностью зависело от позиции местной администрации, то есть носило сугубо субъективный характер.

Распределение перспективных СНП по перечисленным вариантам показано в табл. 3. Как видно, преобладает негативная динамика: если на варианты, связанные с ростом, в сумме приходится немногим более 36%, то на варианты, отражающие убыль или полную утрату жителей – почти 52%.

В районах области изменения выглядят по-разному (табл. 4). Произошедшие изменения сведены здесь к трем обобщенным вариантам. Это позволило выделить группы районов с повышенной, средней (такой же, как во всей области) и пониженной долей СНП, увеличивших людность. Разумеется,

Таблица 3

Изменение людности перспективных СНП
Тверской области за период 1976–2010 гг.

Варианты изменений*	Количество пунктов (ед.)	Доля, %
Значительный рост	112	10,7
Рост	272	25,9
Без изменений	125	11,9
Уменьшение	255	24,3
Значительное уменьшение	266	25,4
Утрата постоянного населения	19(11+8)**	1,8
Всего	1049	100,0

* Варианты – см. в тексте.

** В скобках: первое число – пункты без населения, второе – исключенные из списков пункты.

многие районы занимают промежуточное между этими группами положение. В качестве примеров приведены данные по двум районам из каждой группы. Если в Калининском и других прицентровых районах СНП с увеличением людности составляют более половины, а доля снизивших людность находится в пределах 20–40%, то в большинстве периферийных районов на долю снизивших людность приходится по 70–80% общего числа СНП. Рисунок 2 дает представление о пространственных различиях в этой динамике. Хорошо видна почти правильная зональность: с удалением от областного

центра и границы Московской области доля увеличившихся перспективных СНП снижается.

Безрезультативность принятых мер наглядно отражается в показателе доли населения, проживающего в неперспективных СНП. В среднем по области этот показатель на 2010 г. составлял около 37%. В Андреапольском районе более половины всего сельского населения – жители неперспективных СНП, еще в четырех районах (Бологовском, Жарковском, Краснохолмском и Сонковском) эта доля составляет около 50%.

Траектории развития. Для всей совокупности перспективных СНП увеличение людности в два с лишним раза воспринимается как значительный рост, его имеют неполные 11% от общего числа рассматриваемых пунктов. Но у некоторых из них отмечено значительно более сильное (многократное) увеличение, а у отдельных оно измеряется даже десятками раз. Случаев многократного уменьшения людности несравненно больше.

Анализ динамики всех перспективных СНП из рассматриваемого нами массива показал, что почти половина из них (44,3%) достигли своей максимальной людности в 1989 г. (табл. 5). 44 перспективных населенных пункта (примерно каждый 25-й) продолжали расти до 2010 г. (рис. 3). Но около 30%, по всей видимости, совсем не росли, так как их максимальная людность приходится на исходный 1976 г.

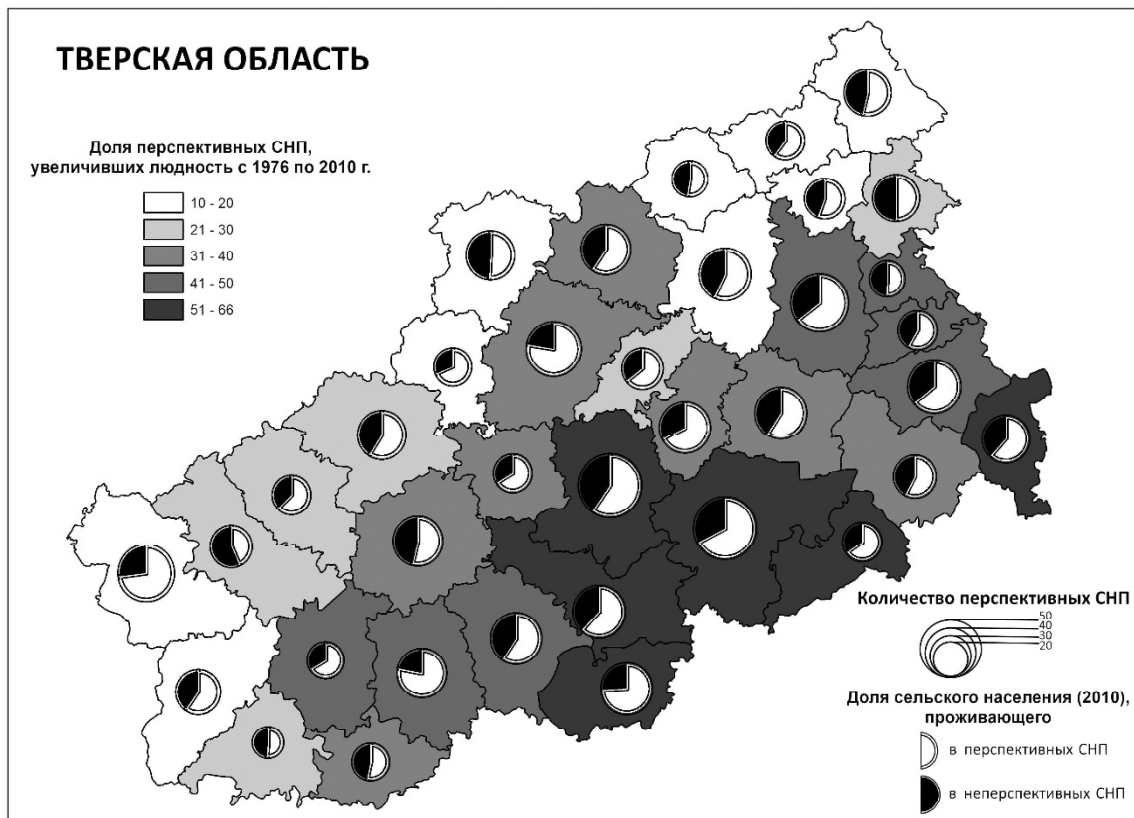

Рис. 2. Доля сельского населения, проживающего в перспективных и неперспективных пунктах в 2010 г.

Fig. 2. Proportion of rural population in viable and non-viable settlements in 2010

Таблица 4

Изменение людности перспективных СНП в Тверской области и некоторых районах

Территория	Общее количество перспективных СНП в 1977 г.	Обобщенные варианты изменений людности за период 1976–2010 гг. (в % от общего числа)		
		увеличение	без изменений	снижение или полная утрата населения
Тверская область	1049	36	12	52
Районы:				
Зубцовский	36	56	8	36
Калининский	54	66	4	30
Кимрский	24	33	13	54
Рамешковский	37	38	11	51
Молоковский	21	10	10	80
Торопецкий	43	16	12	72

Таблица 5

Год максимальной людности перспективных СНП Тверской области за период 1976–2010 гг.

Показатель	Перспективные СНП по списку 1977 г.	Год максимальной людности (число СНП)				
		1976	1979	1989	2002	2010
Число СНП (ед.)	1049	304	102	465	134	44
Их доля от общего числа 1977 г., %	100,0	29,0	9,7	44,3	12,8	4,2

643 СНП имели максимальную людность в 1989, 2002 или 2010 гг. (61% всей рассматриваемой совокупности). Это пункты, имевшие положительную динамику как минимум до 1989 г. – года последней переписи советского времени. Это дает основание сделать весьма важный вывод о том, что примерно 3/5 из числа СНП, отнесенных в 1977 г. к категории перспективных, подтвердили свое право считаться таковыми.

Положительную динамику в основном имели центральные усадьбы сельхозпредприятий. В таблице 6 приведены данные о динамике людности для нескольких пар СНП, входивших в одно хозяйство (первыми указаны центральные усадьбы). Отдельные центральные усадьбы росли до 2010 г., большинство – до 1989. Другие же перспективные СНП теряли население на протяжении всего рассматриваемого периода. В некоторых случаях центральные усадьбы сначала имели меньшую людность, чем другие перспективные пункты в тех же хозяйствах, но уже через несколько лет они выходили на первые позиции.

Судьбы перспективных СНП. В состав перспективных входили совершенно разные СНП, судьбы их тоже сложились по-разному. Здесь были и крупные старинные села, и советские промышленные и пристанционные поселки, и небольшие деревни, получившие новый статус. На фоне традиционно мелких СНП выделяются большие села, которые были приходскими и волостными центрами в дореволюционное время. Особое место среди перспективных СНП области занимают 20 бывших сел-райцентров, выделяющихся не только размерами, но и развитым комплексом объектов социальной инфраструктуры.

С обретением статуса перспективных у многих сел и деревень менялся облик жилой застройки.

На смену преимущественно деревянным строениям пришло кирпичное и панельное мало- и среднеэтажное строительство. В перспективных СНП были распространены довольно скромные, по нынешним меркам, коттеджи, сохранившиеся до наших дней. Интересный пример жилых домов, напоминающих современные таунхаусы, можно встретить в с. Градницы Бежецкого района и д. Большие Борки Калининского района.

Большинство промышленных и транспортных поселков достигли максимальной людности в 1989 г., что свидетельствует о пике их социально-экономического развития в то время. Затем почти все они сокращали свою бывшую численность населения, за исключением пригородных и притрассовых пунктов.

Небольших деревень, резко увеличивших свою людность в связи с получением статуса перспективных и, как следствие, изменивших свою траекторию развития, немного. Среди них выделяется д. Малое Василево Кимрского района, в которой в 1976 г. насчитывалось всего 10 жителей. В короткий срок она вошла в число крупнейших СНП области. В 1979 ее людность составляла 1639 чел., в 1989 – 1131, в 2010 – 956. В середине 1970-х гг. был образован новый совхоз «10-я пятилетка». В Малом Василеве как центральной усадьбе нового крупного хозяйства велось интенсивное строительство благоустроенного жилья и современных объектов социальной инфраструктуры, которые продолжают свою работу и в наши дни.

Меры по развитию перспективных СНП изменили облик многих из них. В настоящее время можно наблюдать последствия решений того времени. Содержание огромных по сельским меркам зданий социальных объектов и многоквартирного жилого

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Год максимальной плотности

- 2010
- ◐ 2002
- ◑ 1989
- ◒ 1979
- 1976

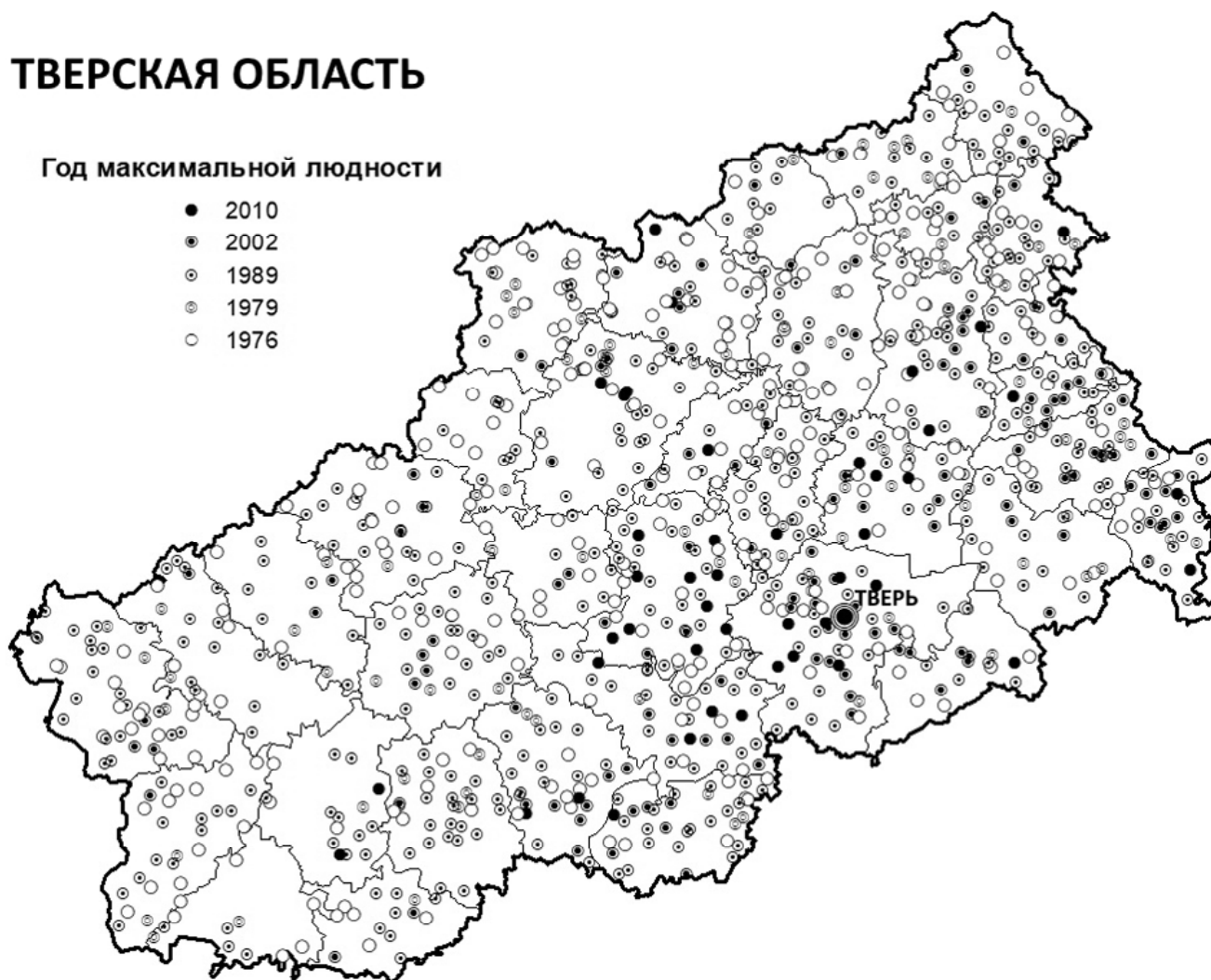

Рис. 3. Год максимальной плотности перспективных СНП

Fig. 3. Year of maximum population numbers in viable rural settlements

Таблица 6

Примеры динамики плотности центральных усадеб и других перспективных СНП

Район и хозяйство в 1976 г.	Населенный пункт	Людность, чел.				
		1976	1979	1989	2002	2010
Западнодвинский, совхоз «Дружба»	д. Глазomичи	146	140	209	188	51
	д. Белодедово	41	32	22	11	0
Конаковский, совхоз «Дмитрогорский»	с. Дмитрова Гора	910	881	1060	1084	1101
	д. Никольское	264	198	173	95	55
Краснохолмский, колхоз «Красное поле»	д. Высокуша	98	87	202	182	143
	д. Путилово	140	121	96	48	18

фонда легло на плечи местных администраций, для их обслуживания не хватает средств. Типичные для Нечерноземья сельские ландшафты с деревянными избами и каменными церквями, очень привлекательные как в эстетическом, так и в рекреационном отношении, были нарушены вкраплением инородной застройки.

Выводы.

Данная работа проведена в основном по материалам Тверской (Калининской) области. Но, по мне-

нию авторов, результаты ее во многом справедливы и для других регионов среднего Нечерноземья:

– проводившаяся в 1960–1970-х гг. политика укрупнения сельских населенных пунктов фактически провалилась. Масштабы организованного сселения, призванного стать основным механизмом преобразования сельского расселения, были невелики и значительно уступали масштабам стихийной миграции сельских жителей в города и за пределы своих регионов;

– более половины (примерно 60%) из перспективных СНП, главным образом, бывшие центральные усадьбы колхозов и совхозов, успешно развивались и постепенно наращивали людность до тех пор, пока существовали крупные коллективные хозяйства. И сегодня на них приходится значительная часть опорных центров развития сельской местности, что говорит о правильности их выбора. В то же время, большая часть населенных пунктов, некогда отнесенных к категории неперспективных, продолжает существовать и в наши дни;

– деление СНП на перспективные и неперспективные не носило разрушительного характера, но способствовало ускорению оттока сельского населения, создавая у жителей ощущение нестабильно-

сти. Стихийное и закономерное исчезновение деревень не является результатом деления населенных пунктов на перспективные и неперспективные; оно вызвано миграцией и естественной убылью, которые протекали раньше и протекают в наши дни независимо от этого деления;

– современные призывы к выделению перспективных и неперспективных городов совершенно неприемлемы. Затраты на переселение, утрата материальных и нематериальных ценностей, сосредоточенных в таких пунктах, моральный ущерб, наносимый их жителям, слишком велики, чтобы эти предложения могли всерьез обсуждаться. По сути, эти предложения носят волонтаристский характер, и само их появление свидетельствует о незнакомстве с опытом прошлого.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-05-00394).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И. Сельское расселение: концепции и реальность // Вопросы географии. Сб. 132. Современное село: пути развития. М., 1988. С. 144–182.
- Алексеев А.И., Зубаревич Н.В., Регент Т.М. Опыт изучения эффективности расселения жителей сельских населенных пунктов в Нечерноземной зоне РСФСР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1980. № 1. С. 97–100.
- Беленький В.Р. Основы совершенствования сельского расселения Нечерноземной зоны // Нечерноземье: демографические процессы / Сер. Народнонаселение. Вып. 17. М., 1977. С. 20–36.
- Богданова Л.П., Щукина А.С. Из опыта крупномасштабных социально-демографических исследований сельской местности Тверского региона // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М., 2013. С. 397–406.
- Владимиров В.В., Наймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России. М., 2002. 374 с.
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Населенные пункты Тверской области. Тверь, 2012. 429 с.
- Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М., 1996. 216 с.
- Ковалев С.А. Исследование проблем сельского расселения в районах разного типа // Региональное расселение в СССР. М., 1984. С. 118–125.
- Кузнецова С.Н. Транспортные условия сельского расселения Тверского региона: автореф. ... канд. геогр. наук. М., 2011. 22 с.
- Мазур Л.Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х–1980-е гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25–37.
- Методика выбора перспективных поселков колхозов и совхозов. М.: ЦНИИПИ по градостроительству, 1966. 56 с.
- Никитаева Е.Б. Политика ликвидации «неперспективных» сел и деревень в 1960–1970 гг. и ее последствия для Центральной России // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2012. № 5. С. 115–117.
- О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР. М., 1974.
- Румянцев И.Н., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2019. № 1. С. 29–37.
- Смирнов И.П. Средние города Центральной России. Тверь, 2019. 164 с.
- Стронгина М.Л. Проблемы изучения развития расселения в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР // Региональное расселение в СССР. М., 1984. С. 148–159.
- Ткаченко А.А. О сокращении числа сельских поселений // Сельская Россия: прошлое и настоящее. М., 1999. С. 84–86.
- Хорев Б.С. Реконструкция сельского расселения: новый этап научно-технической политики // Вопросы географии. Сб. 132. Современное село: пути развития. М., 1988. С. 34–52.
- Шевельков А.И. Политика ликвидации «неперспективных» населенных пунктов в России и ее результаты // Вестн. Балт. фед. ун-та. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 12. С. 39–43.
- Cloke P. An Introduction to Rural Settlement Planning (Routledge Revivals). London: Routledge, 1983, 398 p.
- Daniels T.L., Lapping M.B. Small town triage: a rural settlement policy for the American Midwest. *Journal of Rural Studies*, 1987, vol. 3, no. 3, p. 273–280.
- Hanrahan P., Cloke P. Towards a critical appraisal of rural settlement planning in England and Wales. *Sociologia Ruralis*, 1984, no. 23, p. 109–129.
- Pallot J. Rural settlement planning in the USSR. *Soviet Studies*, 1979, vol. XXXI, no. 2, p. 214–230.
- Phillips D.R., Williams A.M. Rural settlement policies and local authority housing: observations from a case-study of South Hams, Devon. *Environment and Planning*, 1983, vol. 15, p. 501–513.
- Policies and Plans for Rural People (Routledge Revivals) / Cloke P. (Ed.) London: Routledge, 1988, 274 p.
- Tian G., Qiao Z., Gao X. Rural settlement land dynamic modes and policy implications in Beijing metropolitan region, China. *Habitat International*, 2014, vol. 44, p. 237–246.
- Электронные ресурсы*
- Всероссийская перепись населения 2010 года: URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom10.htm (дата обращения 30.12.2019).

Поступила в редакцию 29.01.2020
После доработки 20.02.2020
Принята к публикации 06.03.2020

I.P. Smirnov¹, A.A. Smirnova², A.A. Tkachenko³

**THE RESULTS OF THE «RESETTLEMENT
OF SMALL VILLAGES» POLICY IN THE NON-CHERNOZEM AREA
(CASE STUDY OF THE TVER REGION)**

For the first time in the geographical literature an attempt is made to consider the results of the 1960s–1970s policy of reconstruction of the rural settlement pattern. This policy included the classification of rural settlements into «viable» and «non-viable» and relocation of the residents of small villages in the larger ones. The paper presents data on the plans and results of the relocation of residents from «non-viable» villages to central settlements of collective farms and state farms in the Kalinin (now – Tver) region.

The official list of «viable» rural settlements for the Kalinin region approved in 1977 is analyzed. The structure of the array, the distribution of «viable» settlements across the region and 1976 to 2010 population dynamics of each settlement are considered. The alogism in identifying «viable» rural settlements was shown: many small settlements were named «viable», while many large ones were not included in the list. The majority of large «viable» settlements are concentrated in the central, most developed part of the region, i.e. the Tver Triangle the vertexes being the cities of Rzhev, Vyshny Volochyok and Kimry. The analysis of the population dynamics in viable settlements allowed suggesting six types of population changes from 1976 to 2010: from significant growth to the loss of residential population. All in all negative dynamics prevailed, i.e. more than half of viable settlements reduced their population. As long as the large collective farms existed, most of such villages developed successfully and gradually increased their population. Currently, they account for a significant part of the centers for rural development. But also the majority of settlements, once classified as «non-viable», have survived.

The conclusion is drawn about the failure of resettlement policy and transformation of the rural settlement pattern. It is shown that the mistaken understanding of the policy results is widespread in the Russian society and the scientific community. The paper is intended to recall the inefficiency of strong-willed decisions aimed at the radical changes in settlement patterns.

Key words: viable and non-viable rural settlements, liquidation of small villages, resettlement reform

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-05-00394).

REFERENCES

- Alekseev A.I. Rural settlement pattern: concepts and reality. *Voprosy geografii. Sbornik 132. Sovremennoe selo: puti razvitiya* [Geography issues. Vol. 132. Present-day rural settlement: ways of development], Moscow, 1988, p. 144–182. (In Russian)
- Alekseev A.I., Zubarevich N.V., Regent T.M. Opyt izuchenija effektivnosti sselenija zhitel'ev sel'skih naselennykh punktov v Nechernozemnoj zone RSFSR [The experience of studying the effectiveness of resettlement of rural residents in the Non-Chernozem zone of the RSFSR]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 5. Geogr.*, 1980, no. 1, p. 97–100. (In Russian)
- Belen'kij V.R. Fundamentals of improving rural settlement pattern in the Non-Chernozem zone. *Nechernozem'e: demograficheskie processy* [Non-Chernozem area: demographic processes], Ser. Narodonaselenie. Iss. 17, Moscow, 1977, p. 20–36. (In Russian)
- Bogdanova L.P., Shhukina A.S. The experience of large-scale socio-demographic studies of rural areas in the Tver region. *Voprosy geografii. Sbornik 135. Geografija naselenija i social'naja geografija* [Geography issues. Vol. 135. Geography of population and social geography], Moscow, 2013, p. 397–406. (In Russian)
- Cloke P. An Introduction to Rural Settlement Planning (Routledge Revivals). London, Routledge, 1983, 398 p.
- Daniels T.L., Lapping M.B. Small town triage: a rural settlement policy for the American Midwest, *Journal of Rural Studies*, 1987, vol. 3, no. 3, p. 273–280.
- Denisova L.N. *Ischezajushhaja derevnja Rossii: Nechernozem'e v 1960–1980-e gg.* [The Disappearing Village of Russia: Non-Chernozem area in the 1960s–1980s]. Moscow, 1996, 216 p. (In Russian)
- Hanrahan P., Cloke P. Towards a critical appraisal of rural settlement planning in England and Wales, *Sociologia Ruralis*, 1984, no. 23, p. 109–129.
- Horev B.S. Reconstruction of rural settlement pattern: a new stage of scientific and technical policy. *Voprosy geografii. Sbornik 132. Sovremennoe selo: puti razvitiya* [Geography issues. Vol. 132. Present-day rural settlement: ways of development], Moscow, 1988, p. 34–52. (In Russian)
- Kovalev S.A. Issledovanie problem sel'skogo rasselenija v rajonah raznogo tipa. *Regional'noe rasselenie v SSSR* [Regional settlement pattern in the USSR], Moscow, 1984, p. 118–125. (In Russian)
- Kuznecova S.N. *Transportnye uslovija sel'skogo rasselenija Tverskogo regiona* [Transport conditions of rural settlement pattern in the Tver region]. Extended Abstract of PhD Thesis in Geography. Moscow, 2011, 22 p. (In Russian)

¹ Tver State University, Faculty of Geography and Geoecology, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Assistant Professor, PhD. in Geography; e-mail: ilya.geo2012@yandex.ru

² Tver State University, Faculty of Geography and Geoecology, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Senior Lecturer, PhD. in Geography; e-mail: alpresents@mail.ru

³ Tver State University, Faculty of Geography and Geoecology, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Professor, D.Sc. in Geography; e-mail: at.tver@mail.ru

Mazur L.N. Politika rekonstrukcii rossijskoj derevni (konec 1950-h–1980-h gg.) [The policy of reconstruction of the Russian countryside (late 1950s–1980s)]. *Otechestvennaja istorija*, 2005, no. 3, p. 25–37. (In Russian)

Metodika vybora perspektivnyh poselkov kolhozov i sovhozov [The methodology for choosing viable villages of collective farms and state farms]. Moscow, Central Research and Design Institute for Urban Development Publ., 1966, 56 p. (In Russian)

Nikitaeva E.B. Politika likvidacii «neperspektivnyh» sel i dereven' v 1960–1970 gg. i eyo posledstvija dlja Central'noj Rossii [The 1960–70s politics of unpromising villages and settlements liquidation and its consequences for Central Russia]. *Vestn. Mosk. Gos. Obl. Un-ta. Ser. Istorija i politicheskie nauki*, 2012, no. 5, p. 115–117. (In Russian)

O merah po dal'nejshemu razvitiu sel'skogo hozjajstva Nechernozemnoj zony RSFSR. Postanovlenie CK KPSS i Soveta ministrov SSSR [On the measures for further development of agriculture in the Non-Chernozem zone of the RSFSR. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR]. Moscow, 1974. (In Russian)

Pallot J. Rural settlement planning in the USSR, *Soviet Studies*, 1979, vol. XXXI, no. 2, p. 214 – 230.

Phillips D.R., Williams A.M. Rural settlement policies and local authority housing: observations from a case-study of South Hams, Devon, *Environment and Planning*, 1983, vol. 15, p. 501–513.

Policies and Plans for Rural People (Routledge Revivals). Cloke P. (Ed.) London, Routledge, 1988, 274 p.

Rumjancev I.N., Smirnova A.A., Tkachenko A.A. Sel'skie naselennye punkty «bez naselenija» kak geograficheskij i

statisticheskij fenomen [Rural settlements «without population» as a geographical and statistical phenomenon]. *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2019, no. 1, p. 29–37. (In Russian)

Smirnov I.P. Srednie goroda Central'noj Rossii [Mid-sized cities in Central Russia]. Tver, 2019, 164 p. (In Russian)

Shevel'kov A.I. Politika likvidacii «neperspektivnyh» naselennyh punktov v Rossii i ee rezul'taty [The policy of resuction of «non-viable» settlements in Russia and its results]. *Vestnik Baltijskogo fed. un-ta. Ser. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*, 2007, no. 12, p. 39–43. (In Russian)

Strongina M.L. Problems of studying the development of settlement pattern in rural areas of the Non-chernozem zone of the RSFSR. *Regional'noe rasselenie v SSSR* [Regional settlement pattern in the USSR], Moscow, 1984, p. 148–159. (In Russian)

Tian G., Qiao Z., Gao X. Rural settlement land dynamic modes and policy implications in Beijing metropolitan region, China, *Habitat International*, 2014, vol. 44, p. 237–246.

Tkachenko A.A. About the reduction in the number of rural settlements. *Sel'skaja Rossija: proshloe i nastojashhee* [Rural Russia: past and present], Moscow, 1999, p. 84–86. (In Russian)

Vladimirov V.V., Najmark N.I. Problemy razvitiya teorii rasselenija v Rossii [Problems of the development of settlement pattern theory in Russia], Moscow, 2002, 374 p. (In Russian)

Vserossijskaja perepis' naselenija 2010. Naselennye punkty Tverskoj oblasti [2010 All-Russian Population Census. Settlements of the Tver region], Tver, 2012, 429 p. (In Russian)

Web sources

All-Russian Population Census 2010, URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom10.htm (access date 30.12.2019). (In Russian)

Received 29.01.2020

Revised 20.02.2020

Accepted 06.03.2020